

Вышедший из больницы Чэн Лян выглядел куда бодрее. По крайней мере, он больше не вис на Е Мянe мёртвым грузом и вполне уверенно держался на ногах.

— Угощаю тебя лучшим пиром в твоей жизни, — Чэн Лян аккуратно поправил козырёк кепки, сдвинув его чуть выше, чтобы ткань не задевала свежую повязку. Ране нужна была вентиляция.

«Лучший пир» ждал их на пятом этаже торгового центра.

— Шведский стол? — Е Мянъ недоверчиво приподнял бровь.

— Именно так. Безлимитные морепродукты — лучший выбор. Я же знаю, как ты их любишь. Пошли-пошли.

Е Мянъ смерил взглядом его потрёпанный вид:

— Ты же весь в ранах. Разве тебе можно морепродукты?

— Ерунда. Там полно фруктов, риса и куча всего другого. Я найду, что съесть, не переживай.

Чэн Лян по-братски приобнял Е Мяню за плечи, и они вошли в зал. Официант проводил их к столику у окна.

— Как тяжелораненый и временно недееспособный, я делегирую тебе почётную обязанность добытчика, — Чэн Лян уселся на диван. — Иди, принеси чего-нибудь.

Е Мянъ послушно оставил тяжёлый чехол с гитарой на диване и спросил:

— Ладно. Чего тебе хочется?

— Да без разницы, неси на свой вкус. Я всеяден.

Е Мянъ за раз ухитрился уносить по четыре тарелки. Он курсировал между столами, пока на их собственном столе не закончилось свободное место.

— Держи. Тебе я взял кашу и фрукты.

— То есть из всей этой горы еды мне причитается только миска жижи и тарелка нарезки? — Чэн Лян лениво поворошил ложкой в глубокой пиале.

— Помешай получше, — бросил Е Мянь.

Чэн Лян сделал ещё пару движений ложкой. На дне, под зелёным луком, обнаружились кусочки тушёного морского ушка.

— Ну, ладно.

Он принялся медленно, небольшими глотками есть кашу. На самом деле от боли в теле аппетита не было совсем, но, глядя, с какой жадностью парень напротив уминает мясо, Чэн Лян и сам почувствовал голод.

На экране телефона высветилось уведомление о переводе.

— Закинул тебе двадцать юаней, — Чэн Лян отложил ложку. — Кстати, мне давно любопытно: с чего ты вдруг сменил мобильник?

Е Мянь, занятый едой, ответил не сразу. Тщательно прожевав кусок, он вытер испачканные губы салфеткой:

— Не вдруг.

Он давно планировал эту покупку, поэтому и копил каждую копейку. На торговле фруктами много не поднимешь, а на хендмейде и рисунках — слишком долго и муторно.

Писать чужие работы на заказ ему претило, но платили за это быстро и щедро.

Е Мянь поднялся из-за стола, который наполовину опустел:

— Схожу за напитками. Тебе что взять?

— На твой вкус, — отозвался Чэн Лян.

В зале морепродуктов яблоку негде было упасть — самый разгар обеденного перерыва. Свободных мест не осталось, у входа даже скопилось очередь. Из левого крыла, где тянулись длинные прилавки самообслуживания, доносились аппетитные запахи. Зал был щедро украшен искусственной зеленью, а в стеклянных аквариумах лениво плавала живая рыба.

Среди гостей встречались и стильные пожилые пары, но в основном за столиками сидела молодёжь: компании одноклассников, влюблённые парочки. Парни с девушками, подруги... А вот парней вдвоём почти не было видно.

Мимо их стола проехал официант со специальной тележкой, собирая грязную посуду. Е Мянью стоял неподалёку, выжидая, пока освободится проход к стойке с напитками. Их столик находился прямо напротив центрального входа.

В этот момент в дверях появилась пара. Моложавая женщина в лёгком открытом платье держала под руку мужчину в строгом костюме и очках без диоптрий.

Е Мянью застыл. Шаг назад — и он тяжело опустился на диван, так и не дойдя до напитков. Механически подцепил вилкой кусок из тарелки, сунул в рот, но тут же с отвращением выплюнул в урну. Еда встала поперёк горла.

— Кха... Блядь!

Он откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза.

— Что с тобой? На, глотни воды, — Чэн Лян уже сидел рядом, протягивая ему свой стакан.

Е Мянью открыл глаза, тупо уставившись на стакан, но брат не спешил.

— Брат Мянью, ты же не ждёшь, что я буду поить тебя с рук? Хотя я, в общем-то, не против, — усмехнулся Чэн Лян.

Е Мянью молча выхватил стакан и жадно осушил его до дна, даже не подумав о том, что из него уже пили. Он то и дело смотрел на двери ресторана. Чэн Лян проследил за его взглядом, но толком ничего не понял.

Что его так задело? Неужели увидел муху в тарелке или протухшую креветку?

— Чэн Лян, — тихо позвал Е Мянью.

— А? — Чэн Лян поднял взгляд.

Парень смотрел на него с пугающей серьёзностью:

— Я больше не могу. Меня сейчас просто разорвёт от злости. Если я кого-нибудь убью — держи меня. Слышишь? Не отпускай.

— Ты о чём вообще? — опешил Чэн Лян.

Но Е Мянью уже сорвался с места. Не объясняя ничего, он размашистыми шагами направился вглубь зала. Чэн Лян секунду помедлил и двинулся следом.

Он успел увидеть, как Е Мянь мёртвой хваткой вцепился в воротник мужчины в костюме, рывком вздёнул его вверх и с размаху впечатал кулак ему в висок.

В следующую секунду ресторан взорвался криками.

— А-а-а! Что происходит?!

— Охренеть, вы это видели?

— Драка! Там парень мужика метелит!

— Ни хера себе он его приложил... Жесть!

Вокруг мгновенно выросла стена из зевак с телефонами наготове.

Мужчина в костюме, на первый взгляд вполне интеллигентный, в этой драке оказался в роли боксёрской груши. Парень в обычной футболке избивал его с методичной, звериной жестокостью. Поверженный противник лишь жалко прикрывал голову и визжал на весь зал:

— Охрана! Где охрана?! Уберите этого сумасшедшего! Вызовите полицию, блядь, кто-нибудь, вызовите копов!

Е Мянь бил наотмашь, ослеплённый яростью, с налитыми кровью глазами:

— Сука! Ты откуда вылез, урод?! Ты что за хуйло такое, а?!

— Какими руками ты её трогал, мразь?!

— Я тебе эти лапы по локти отрублю, гнида подвальная!

Поток отборной грязи и мата лился из него не переставая.

Зрители стояли в ступоре, да и сам Чэн Лян едва верил своим глазам. Он не знал, что заставило Е Мянью так сорваться, но бросать друга не собирался. Заметив краем глаза спешащих охранников, Чэн Лян рванулся вперёд, чтобы оттащить парня.

Но то, что случилось в следующую секунду, заставило его застыть, а самого — вздрогнуть от шока.

Спутница избитого мужчины схватила со стола пустую бутылку и с размаху опустила её на

голову Е Мяня.

Раздался звонкий, сухой треск стекла.

— Твою мать! — Чэн Лян процедил сквозь зубы. — Дорогу! Разойдитесь, нахуй!

Не церемонясь, он растолкал локтями толпу зевак и прорвался к Е Мяню. В груди всё сжалось от липкого страха.

— Е Мянъ!

По лицу парня, смешиваясь с потом, быстро потекла тёмная струйка крови. Источник был где-то на затылке.

Чэн Лян крепко перехватил его за запястье и тихо, стараясь говорить как можно спокойнее, позвал:

— Е Мянъ. Брат Мянъ. Посмотри на меня. Что случилось?

В ушах у Е Мяня стоял невыносимый, монотонный гул. Весь мир сузился до этого звона и бешеного, глухого стука собственного сердца. Он медленно, словно деревянный, повернул голову.

В его покрасневших глазах застыла смесь шока, разочарования и детской обиды.

По щекам покатились крупные слёзы. Он смотрел на женщину, пытался что-то сказать, но горло перехватило спазмом.

— Да я... я тебя... — выдавил он наконец. Голос не повиновался — получился лишь жалкий, хриплый писк.

Вдруг перед глазами всё потемнело. Чэн Лян мягко, но плотно закрыл его лицо своей широкой ладонью.

Женщина, которая только что разбила бутылку о голову собственного сына, выглядела спокойнее всех в этом зале. Она брезгливо бросила стеклянное горлышко на пол и холодно процедила:

— Ну и? Теперь ты наконец уговонишься?

Подбежавшие охранники попытались скрутить Е Мяня, но Чэн Лян заслонил его собой.

Подросток смотрел на секьюрити волком. На его лице играла странная, пугающая улыбка, а в сочетании с окровавленным лицом Е Мяня и его собственной забинтованной головой картина получалась жуткой. Охрана предпочла держать дистанцию.

— Мы сами уйдём, — бросил Чэн Лян.

Он повёл Е Мяня к выходу, по-прежнему не убирая ладонь с его глаз.

Лишь когда они вышли на улицу и гул толпы остался позади, Е Мянь глухо заговорил:

— Зачем ты мне глаза закрыл? Я дорогу не вижу.

— Хочешь, чтобы все глазели, как ты ревёшь? — тихо спросил Чэн Лян.

— Охуеть. С какого перепугу ты решил, что я реву? — огрызнулся Е Мянь, но руку друга убирать не стал.

В отделении полиции царил полумрак.

Е Мянь сидел на жёстком стуле, уставившись в одну точку. Допрос длился уже минут десять, но парень не проронил ни слова. Впрочем, распоряжениям следователя он подчинялся беспрекословно: выложил на стол удостоверение личности и сидел смирно.

Полицейский изучил документ и вернул владельцу:

— Мал ещё, а уже кулаками машешь. Будешь и дальше молчать — закроем в камере на пару суток для профилактики.

Чэн Ляна задерживать не стали — в драке он не участвовал, но уходить из участка отказался.

В какой-то момент он просто проигнорировал дежурного, толкнул дверь и вошёл в кабинет допросов:

— Товарищ капитан, при всём уважении, может, моему другу сначала рану обработают? Это не слишком противоречит закону?

Чэн Лян бесцеремонно подошёл к Е Мяню и заслонил его плечом:

— Если есть вопросы — задавайте мне. Ему бутылкой по голове прилетело, он сейчас соображает туго.

Е Мянъ сидел, опустив голову, и рассматривал свои ладони. Костяшки на правой руке были содраны — видимо, задел краем стола, когда укладывал того мужика. Кровь уже запеклась.

Как сказать полицейскому правду? Как объяснить, что этот ублюдок лапал его мать?

В кабинет заглянул молодой оперативник:

— Старшой.

Ведущий допрос следователь кивнул:

— Свободен. Я сам тут разберусь.

Он тяжело посмотрел на Чэн Ляна:

— Кем вам приходится пострадавший? Из-за чего конфликт?

Чэн Лян уже собирался выдать какую-нибудь нейтральную версию, но тут подал голос Е Мянъ:

— Первый раз его вижу. Конфликта не было.

Полицейский замер с ручкой над протоколом:

— Тогда зачем бить человека? — он попытался заглянуть парню в глаза, отыскать там скрытый мотив.

Этот вопрос звучал уже раз десять. Ответ оставался прежним.

— Просто так. Лицо его не понравилось.

В дверь снова постучали. После короткого «войдите» в кабинет скользнул тот же оперативник и положил на стол папку:

— Вот показания потерпевшего, товарищ капитан.

Следователь быстро пробежал глазами текст. Всё сходилось: потерпевший тоже утверждал,

что нападавшего не знает, мотивов не понимает, претензий личного характера до этого момента не имел.

— Вызывайте родителей. Пусть оформляют залог и забирают под расписку.

Поскольку задержанный был несовершеннолетним, без законного представителя отпустить его не имели права.

Через полтора часа в участок приехал Е Чжэнцин. Он молча оплатил штраф за нарушение общественного порядка.

В коридоре крутился пострадавший в костюме — требовал от копов «сгноить щенка в тюрьме». Получив заверения, что дело зафиксировано, но задержать малолетку без уголовной статьи не получится, мужчина переключился на площадную брань, пока его не выставили за дверь.

Уходить он, однако, не собирался. Ждал родителей этого «выродка», чтобы стрясти деньги за лечение и моральный ущерб.

Когда Е Мянью в сопровождении отца вышел на крыльцо участка, он нос к носу столкнулся с этим типом. И с Линь Юньжанью.

Е Мянью посмотрел на затягивающееся тучами небо, затем на эту сцену. В груди снова вскипела глухая, удушливая ярость.

Он сделал быстрый шаг вперёд. Мужчина в костюме испуганно отшатнулся на несколько ступеней:

— Ты... ты опять?! Мы у здания полиции! Только попробуй дёрнуться, тебя за решётку упекут! А вы, папаша, куда смотрите? Кого вы вырастили? Бешеную собаку, которая на людей кидается!

— Почему? — голос Е Мянью прозвучал тихо, почти безжизненно, но в нём звенела сталь.

Он смотрел на мать и не понимал. Кто этот человек? Какое отношение он имеет к ней? Чем она вообще занимается на свободе, если не хочет возвращаться домой?

Откуда у неё эти дорогие побрякушки, брендовая сумка?

В голове крутились десятки вопросов, которые он мечтал выкрикнуть ей в лицо.

«Давай просто жить нормально. Я найду работу, буду зарабатывать, я смогу...»

Но Линь Юньжань опередила его. Её голос был абсолютно спокоен:

— Е Мянью, я свободная женщина. И я давно в разводе.

Она не нарушала закон. И не обязана была отчитываться перед ним.

Линь Юньжань скользнула взглядом по его лицу, на котором застыла маска бессильной злобы и детской обиды, и так же ровно добавила:

— Тебе нужно обработать рану на голове. Разойдётся ведь.

«Я буду заботиться о тебе. Ты моя мать, я твой сын. Я быстро вырасту, честно...» — эти слова так и остались произнесёнными, застряв комом в горле.

Почему всё так обернулось?

Впрочем... какая разница? Зачем он цепляется за то, чего давно нет? Глупо, упрямо, эгоистично. Они развелись. Развелись много лет назад, и этот факт давно пора было принять.

У отца новая семья: молодая жена, маленький сын. Для него Е Мянью — пустое место.

Он думал, что они с матерью оба остались за бортом. Но реальность оказалась куда циничнее: за бортом остался только он один.

Она найдёт себе новое пристанище. Она взрослая женщина и имеет право жить так, как хочет.

А он — просто лишний груз. Обуза, от которой все стараются деликатно избавиться.

Е Мянью медленно опустил руки. Развернулся и пошёл прочь, не разбирая дороги.

Отец что-то кричал ему вслед, мужчина в костюме продолжал истерично требовать компенсацию — Е Мянью больше не слышал их.

Он побежал. Просто припустил во весь дух, спасаясь от этого удушья.

Голова раскалывалась, тело ныло после драки, дыхания не хватало. Ноги быстро налились свинцом, отказываясь служить. Да и куда бежать?

Вдруг он врезался в кого-то грудью. От удара в затылке отозвалось острой болью.

— Извини...

— Всё нормально, — раздался знакомый голос.

Чэн Лян аккуратно приобнял его за плечи, успокаивающе похлопывая по спине:

— Всё хорошо. Устал? Давай переведём дух.

Он прижал Е Мян к себе:

— Слушай, Брат Мян, нам действительно нужно заняться твоей головой.

Е Мян уткнулся лбом в его плечо. Чэн Лян по-прежнему был в своей чёрной кепке, а за спиной у него висел тот самый гитарный чехол.

Е Мян отстранился и огляделся. Они стояли посреди старого моста через неширокую, мутную реку.

— Отдай мне гитару, — негромко попросил Е Мян.

Чэн Лян послушно скинул лямки чехла и протянул ему:

— Тяжёлая она у тебя. Что ты там таскаешь?

Вместо ответа Е Мян перехватил чехол поудобнее и резким движением швырнул его с моста прямо в воду.

— Всякий хлам, — бросил он равнодушно.

Е Мян оперся руками о перила, провожая взглядом медленно погружающуюся в воду ткань. На его лице не отразилось ни единой эмоции.

Но глаза...

Чэн Лян нахмурился. Не раздумывая ни секунды, он перемахнул через ограждение моста и прыгнул следом.

Какое-то внутреннее чутьё подсказывало ему: в этом чехле было что-то невероятно важное для Е Мян. То, что нельзя выбрасывать. То, что нужно сохранить любой ценой.

— Чэн Лян! Блядь! Ты... — Е Мянью похолодел.

Этот идиот ведь совершенно не умел плавать! Иначе с чего бы Е Мянью вытаскивать его из воды при первой встрече?

С громким всплеском Е Мянью ласточкой нырнул в реку.

«Куда этот дебил делся? Он же прыгнул всего на пару секунд раньше!»

В мутной воде Е Мянью наконец разглядел тонущий силуэт и рванулся к нему, изо всех сил работая уставшими конечностями.

Вода заливала глаза, мешая обзору. Чэн Лян действительно не умел плавать — он уже начал уходить на глубину, хаотично и беспорядочно барахтаясь.

Е Мянью мёртвой хваткой вцепился в его одежду и поволок к берегу. К счастью, Чэн Лян не паниковал и не мешал, послушно цепляясь за его плечо, так что они сравнительно быстро выбрались на мелководье.

— Кха!.. Чуть ласты не склеил. В бассейне это как-то проще выглядело, — Чэн Лян рухнул на прибрежную траву, тяжело и шумно дыша. Его лицо покраснело от нехватки кислорода.

— Зато смотри, что я достал. Всё остальное пусть тонет, но это надо оставить, — он с трудом приподнял руку, сжимая в мокрых пальцах короткие металлические нунчаки.

Е Мянью замер, глядя на него со смесью изумления и непонимания.

Чэн Лян ухмыльнулся:

— Чего завис? Забирай свой раритет. Если не нужен — я себе оставлю.

Е Мянью медленно покачал головой:

— Нет... Я просто... твои волосы. Что с ними...?

<http://bllate.org/book/18333/1862556>